

Историческая трансформация и факторы устойчивости сельского расселения Степного Крыма¹

Т. Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

EDN: VYWQST

Аннотация. Исследованы закономерности исторической трансформации сельского расселения степного Крыма на примере Красногвардейского района Республики Крым и выявлены факторы, определяющие современную устойчивость сельских населенных пунктов. На основе историко-географического анализа, архивных материалов, картографических источников, данных переписей населения и современной статистики реконструированы основные этапы формирования поселенческой сети района с конца XVIII века до настоящего времени. Установлено, что современная система расселения сформировалась под воздействием последовательных волн колонизации, хозяйственного освоения территории, административно-территориальных преобразований, депортации народов Крыма в 1944 году, переселенческой политики и последующей концентрации населения в центральных усадьбах колхозов и совхозов. Показано, что исторический возраст поселения не является самостоятельным фактором его современной демографической устойчивости. Наиболее устойчивыми можно считать сельские населенные пункты, сочетающие выгодное транспортно-географическое положение, развитую социальную инфраструктуру и выполнение центральных административных и обслуживающих функций. Выявлено усиление пространственной поляризации сельского расселения, выражающейся в концентрации населения в крупнейших локальных центрах при одновременной депопуляции периферийных малых поселений. Сделан вывод, что современный каркас сельского расселения степного Крыма в большей степени определяется сформировавшейся в советский период системой центральных мест и транспортных связей, чем временем возникновения населенных пунктов. Полученные результаты уточняют представления о факторах устойчивости сельского расселения в регионах, переживших глубокие исторические и демографические трансформации.

Ключевые слова: география расселения, сельское расселение, пространственное развитие, жизнестойкость населенных пунктов, время основания поселений, историческая трансформация

1. Статья подготовлена в рамках конкурса научных статей среди работников Президентской академии.

Расселение России в постсоветский период претерпевает глубокую трансформацию, связанную с демографическим спадом, изменением хозяйственной структуры, сокращением социальной инфраструктуры и усилением пространственной поляризации. Наиболее заметно эти процессы проявляются в сельской местности, где происходит концентрация населения в ограниченном числе относительно устойчивых населенных пунктов при одновременной деградации периферийной поселенческой сети. В результате изменяется не только численность населения отдельных сельских населенных пунктов (СНП), но и сама организация систем расселения, их иерархия и функциональная структура.

Особую актуальность данные процессы приобретают в степных районах Крыма, характеризующихся высокой долей сельского населения, развитой сетью СНП и значительной ролью аграрного производства. В советский период формирование системы расселения здесь происходило под воздействием крупных сельскохозяйственных предприятий, мелиоративного освоения территории, переселенческой политики и развития перерабатывающих производств. В постсоветское время изменение хозяйственной организации сельской местности привело к существенной трансформации сложившейся системы межселенных связей и различиям в траекториях развития отдельных СНП.

Красногвардейский район Республики Крым представляет собой один из примеров подобных процессов. Район отличается высокой сельскохозяйственной освоенностью территории, значительным количеством СНП и выраженной внутренней дифференциацией демографической динамики. Часть СНП сохраняет относительную устойчивость или демонстрирует рост населения, тогда как другие сталкиваются с устойчивой депопуляцией и утратой функций локальных центров. Это позволяет рассматривать территорию района как репрезентативный кейс для изучения факторов устойчивости сельского расселения степного Крыма.

В научной литературе устойчивость СНП нередко связывается с их исторической укорененностью, размером населения или аграрной специализацией. Вместе с тем современные процессы трансформации сельского пространства показывают, что решающее значение могут иметь иные факторы — положение населенного пункта в системе расселения, уровень инфраструктурной обеспеченности, транспортная доступность и выполнение центральных функций по отношению к окружающей территории. В этих условиях особый интерес представляет анализ взаимосвязи между центральностью населенного пункта и его демографической динамикой.

Несмотря на наличие работ, посвященных динамике сельского расселения Крыма (Яковенко, 2020; Шве́ц, Анашенкова, 2025; Гусаков, 2021; Прохорова и др., 2017), существенно менее изученным остается влияние историко-генетических особенностей сельских населенных пунктов на их современную демографическую динами-

ку. Между тем происхождение поселения, связанное с различными этапами освоения территории полуострова, особенностями хозяйственной специализации и этнокультурного состава населения, может выступать фактором долговременной устойчивости или уязвимости сельских населенных пунктов.

Цель исследования заключается в выявлении факторов устойчивости СНП Красногвардейского района Республики Крым и оценке роли центральности в современной трансформации системы сельского расселения.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что в постсоветский период устойчивость СНП Красногвардейского района определяется прежде всего их административно-инфраструктурным статусом, транспортной связностью и выполнением функций локальных центров, тогда как исторический возраст поселения оказывает значительно меньшее влияние.

Теоретические подходы к изучению устойчивости сельского расселения

Исследования сельского расселения занимают важное место в отечественной социально-экономической географии. На протяжении XX — начала XXI века внимание исследователей концентрировалось на вопросах территориальной организации сельского населения, межселенных связей, иерархии населенных пунктов, факторов устойчивости сельских территорий и трансформации систем расселения (Ковалев, 2003; Алексеев, Сафронов, 2015; Алексеев, Сафронов, 2017).

Одним из ключевых направлений исследований стало рассмотрение сельского расселения как системы взаимосвязанных населенных пунктов, объединенных хозяйственными, транспортными, административными и социальными связями. В рамках данного подхода сельские населенные пункты рассматривались не как изолированные элементы, а как компоненты более сложной территориальной структуры, внутри которой формируются отношения подчинения, обслуживания и пространственного тяготения (Ткаченко и др., 2019).

Важное место в исследованиях сельского расселения занимали вопросы иерархии населенных пунктов и их функциональной специализации. В отечественной географии широко использовались представления о районных системах расселения, локальных центрах обслуживания, кустовых центрах и межселенных связях. При этом устойчивость населенного пункта связывалась не только с его людностью, но и с выполняемыми административными, хозяйственными и инфраструктурными функциями (Ковалев, 2003; Смирнова и др., 2024).

Существенное влияние на развитие исследований систем расселения оказали представления о центральности населенных пунктов, восходящие к теории центральных мест В. Кристаллера. В современных исследованиях центральность рассматривается как способ-

ность населенного пункта организовывать окружающее пространство и выполнять функции обслуживания населения прилегающих территорий. Основными индикаторами центральности выступают наличие органов власти, объектов социальной инфраструктуры, учреждений образования, здравоохранения, торговли и иных «организаторов пространства» (Вихрев и др., 2016).

Изыскания последних десятилетий показывают, что постсоветская трансформация сельского пространства сопровождается упрощением систем расселения, сокращением сети учреждений обслуживания и концентрацией населения в ограниченном числе наиболее устойчивых поселений. В результате усиливается пространственная поляризация сельской местности: локальные центры концентрируют население и инфраструктуру, тогда как периферийные поселения утрачивают демографический и функциональный потенциал (Фомкина, 2016; Зубаревич, 2013; Нефедова, 2018, и пр.).

В современных исследованиях устойчивости сельских территорий все более широкое распространение получает концепция *resilience*, используемая для анализа способности территориальных систем адаптироваться к социально-экономическим изменениям. В отечественной литературе наряду с термином «устойчивость» используются понятия «резильентность» и «жизнестойкость». При этом устойчивость сельского расселения понимается как способность населенных пунктов сохранять население, функции и пространственные связи в условиях демографических и хозяйственных трансформаций (Смирнова и др., 2026).

Особое значение в исследованиях устойчивости сельского расселения приобрел вопрос о влиянии поселенческой структуры и положения населенного пункта в системе расселения. Отмечается, что наиболее устойчивыми являются территории с развитой иерархией локальных центров, высокой концентрацией населения в крупных и средних населенных пунктах и хорошей транспортной доступностью. Напротив, мелкоселенные и слабо структурированные системы расселения отличаются повышенной уязвимостью и более высокими темпами депопуляции (Смирнова и др., 2026).

Отдельное направление исследований связано с изучением влияния исторических факторов на устойчивость сельских населенных пунктов. В ряде работ высказывается предположение о том, что более старые поселения обладают большей устойчивостью благодаря накопленным функциям, сложившимся межселенным связям и длительной адаптации к местным природно-хозяйственным условиям. На примере Лебедянского района Липецкой области было показано, что время основания населенного пункта действительно может коррелировать с его современной демографической устойчивостью (Чучкалов, Алексеев, 2021).

Вместе с тем исследования сельского расселения Крыма показывают, что для южных степных районов существенное значение имеют иные факторы — транспортно-географическое положение, положе-

ние относительно магистралей и локальных центров, хозяйственная специализация и степень включенности населенного пункта в систему межселенных связей (Швец и др., 2021). В условиях степного Крыма, где значительная часть современной сети сельских населенных пунктов сформировалась в результате переселенческих процессов, советского хозяйственного освоения территории и административных преобразований, влияние исторического возраста поселения на его современную устойчивость может быть менее выраженным.

Историко-географические исследования Крыма показывают, что система сельского расселения полуострова неоднократно претерпевала масштабные трансформации, связанные с миграциями населения, сменой хозяйственных укладов и политико-административными изменениями (Шевчук, Швец, 2010; Водарский и др., 2003). Это делает Крым особенно интересным регионом для анализа факторов устойчивости сельских населенных пунктов в условиях длительной исторической трансформации поселенческой сети.

В отличие от регионов Центральной России, где современная сеть сельского расселения в значительной степени сохраняет преемственность с дореформенным периодом, степной Крым не обладал исторической непрерывностью расселения, а характеризовался высокой исторической подвижностью поселенческой структуры. Массовые миграции населения, эмиграция крымских татар во второй половине XIX — начале XX века, колонизационные процессы и неоднократная смена этнодемографического состава населения приводили к исчезновению части старых поселений и формированию новых сетей расселения. Уже во второй половине XIX века расселение Новороссии и Таврической губернии характеризовалось высокой динамичностью, распространением хуторских и усадебных форм расселения, а также активным переселенческим освоением степных территорий (Покшишевский, 2025). В этих условиях исторический возраст населенного пункта не всегда обеспечивал его долговременную жизнестойкость.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных сельскому расселению, проблема соотношения исторических и функционально-пространственных факторов устойчивости сельских населенных пунктов степного Крыма остается изученной недостаточно. В частности, недостаточно исследована роль центральности, инфраструктурной обеспеченности и положения населенного пункта в системе расселения в формировании современной демографической устойчивости сельских населенных пунктов Красногвардейского района Республики Крым.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на сочетании историко-географического, статистического и сравнительно-пространственного подходов

к анализу сельского расселения. Информационную основу исследования составили материалы ревизий и камеральных описаний конца XVIII–XIX веков, статистические издания Таврической губернии, данные переписей населения Российской империи, СССР, Украины и Российской Федерации, а также архивные и картографические материалы различных периодов. Для реконструкции ранних этапов формирования поселенческой сети использовались «Камеральное описание Крыма» 1783 года, военно-топографические карты XIX века, материалы земской статистики и списки населенных мест Таврической губернии. Анализ трансформации расселения в советский и постсоветский периоды базировался на данных Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1970, 1979, 1989 годов, Всеукраинской переписи населения 2001 года, переписи населения Крымского федерального округа 2014 года и Всероссийской переписи населения 2020 года.

Важное значение имели картографические методы исследования. Для анализа пространственной структуры расселения использовались исторические карты, современные топографические материалы и данные дистанционного зондирования. Сопоставление карт различных периодов позволило проследить изменения конфигурации поселенческой сети, выявить исчезнувшие населенные пункты и реконструировать основные этапы трансформации системы расселения района.

Методологически исследование опирается на представления о сельском расселении как системе взаимосвязанных населенных пунктов, объединенных хозяйственными, транспортными и административными связями. Особое внимание уделялось анализу центральности населенных пунктов, под которой понимается способность СНП выполнять функции локального центра обслуживания окружающей территории. В качестве индикаторов центральности рассматривались административный статус населенного пункта, наличие объектов социальной инфраструктуры, положение относительно транспортных магистралей и железнодорожных станций, а также выполнение функций центральных усадеб колхозов, совхозов и сельсоветов в советский период.

Для оценки демографической устойчивости СНП использовался сравнительно-статистический анализ динамики численности населения в 1989–2021 годах. Рассчитывались показатели относительного изменения людности населенных пунктов, средние коэффициенты демографической динамики и доля растущих поселений в различных историко-генетических группах СНП. Дополнительно применялся логарифмический показатель $\ln(P_{2021}/P_{1989})$, позволяющий корректнее сопоставлять темпы роста и сокращения населения между поселениями различной людности.

Все СНП района были сгруппированы по историко-генетическому принципу: дореформенные крымскотатарские поселения, переосвоенные СНП, колониетские поселения, железнодорожные по-

селки, еврейские сельскохозяйственные колонии, хозяйственные поселения советского периода и др. Это позволило сопоставить влияние происхождения населенного пункта на его современную демографическую устойчивость.

При анализе пространственной организации расселения использовался историко-генетический метод, позволяющий рассматривать современную сеть сельских населенных пунктов как результат последовательного наложения различных этапов хозяйственного освоения территории, миграционных процессов и административных преобразований. Одновременно применялся сравнительно-географический подход, позволивший выявить различия между транспортно доступными локальными центрами и периферийными сельскими населенными пунктами.

Дополнительно учитывались качественные особенности современного освоения территории, не всегда отраженные в официальной статистике: существование фактически обезлюдивших поселений, наличие жилой застройки в упраздненных населенных пунктах, а также распространение садоводческих товариществ (СНТ), выполняющих селитебные функции. Это позволило рассматривать сельское расселение не только как административно-статистическую систему, но и как форму фактического освоения пространства.

Результаты и их обсуждение

Современная система сельского расселения Красногвардейского района демонстрирует значительную пространственную дифференциацию демографической динамики. Анализ показывает, что устойчивость сельских населенных пунктов определяется сочетанием транспортно-географического положения, административного статуса, инфраструктурной обеспеченности и степени включенности в систему локальных центральных мест.

Стационарные поселения на территории современного Красногвардейского района известны с древнейших времен. В различные исторические периоды значение внутренней степной периферии Крыма возрастало как пространства сельскохозяйственного освоения и обеспечения продовольствием приморских городских центров (Возгрин, 2013). Основной каркас расселения полуострова формировали приморские города, выполнявшие торгово-посреднические функции и обеспечивавшие связи Крыма с внешним миром, тогда как степные районы специализировались преимущественно на аграрном хозяйстве.

Современные черты сельского расселения степного Крыма начали складываться в XVI веке в период оседания золотоордынского населения, формирования крымскотатарского этноса и постепенного перехода от преимущественно кочевого хозяйства к сочета-

нию земледелия и пастбищного скотоводства (Крымские татары..., 2005). К концу XVIII века на территории степного Крыма сформировалась относительно равномерная сеть небольших сельских поселений, жителями которых были преимущественно крымские татары — земледельцы и скотоводы, в речных долинах их дополняли огородники и садоводы.

Размещение СНП определялось прежде всего природными условиями местности. Поселения тяготели к балкам, речным долинам и иным понижениям рельефа, где доступность водных ресурсов была значительно выше, чем на окружающих засушливых равнинах. В результате сформировался линейно-долинный рисунок расселения, характерный для степного Крыма XVIII — начала XIX века. Большинство поселений отличались небольшой людностью — как правило, менее 100–200 жителей. Численность населения и размеры поселений в значительной степени ограничивались емкостью пастбищ и водообеспеченностью территории. Особенно высокая плотность поселений наблюдалась в долинах рек, где «деревни кажутся прилегающими одна к другой» (Тунманн, 1991).

Земельная структура района включала частновладельческие земли, мусульманские вакуфные владения и земли крымскотатарской знати, которые могли обрабатываться «десятинщиками». Важную роль в организации сельской жизни играла крымскотатарская община — джемаат, восходящая к традициям кочевых объединений (к्योंшей) (Возгрин, 2013). Для поселенческой сети была характерна тесная связь с родоплеменной структурой крымских татар, что нашло отражение в топонимике региона: Уйшунь (Ишунь), Мангыт, Аргын, Ширин, Барын и др. (Очерки..., 2005).

Первое документально зафиксированное состояние сельского расселения региона относится к 1783 году, когда после присоединения полуострова к Российской империи было составлено «Камеральное описание Крыма». По нашим подсчетам, на территории современного Красногвардейского района в этот период существовало около 128 СНП, большинство из которых представляли собой небольшие населенные пункты людностью до 200 человек. Значительная их часть имела мечети (Абдуллаев, 2012, 2013), однако наличие культового сооружения не всегда свидетельствовало о крупном размере населенного пункта, как в Центральной России (где собственный приход формировался лишь в наиболее устойчивых и экономически значимых поселениях — «крепких» селах). В современных условиях, напротив, наличие церкви или мечети может рассматриваться как один из признаков устойчивости СНП.

Сформировавшаяся к концу XVIII века мелкоселенная сеть расселения степного Крыма в дальнейшем подверглась масштабной трансформации под воздействием миграционных процессов, колонизационной политики, транспортного освоения территории и административных преобразований XIX–XX веков (рис. 1).

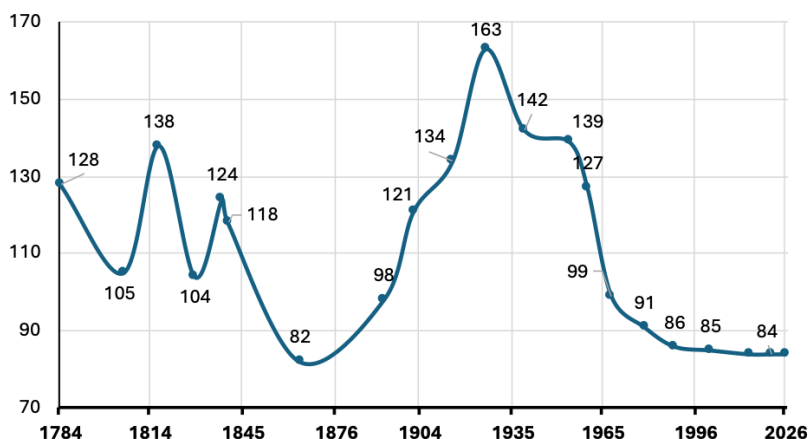

Рис. 1. Количество сельских населенных пунктов в современных границах Красногвардейского района

Составлено автором по данным статистики и собственным расчетам.

После 1783 года Крымское ханство было превращено в Таврическую область, а в 1802 году — в Таврическую губернию, которая кроме полуострова также включала обширные территории Северного Причерноморья (Бердянский, Днепровский и Мелитопольский уезды). Эти земли до 1820-х годов сохраняли преимущественно кочевой характер расселения и были населены ногайцами. Крымский полуостров был поделен на крупные уезды — Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Перекопский, позднее выделен Ялтинский уезд, а также Керченское и Севастопольское градоначальства. Уезды, в свою очередь, делились на станы и волости, состав которых неоднократно менялся в ходе административных реформ 1829, 1860-х, 1880-х и 1890-х годов. Территория современного Красногвардейского района, несмотря на центральное положение на полуострове, в течение всего дореволюционного периода оставалась внутренней периферией административного пространства Крыма. Большая ее часть относилась к Перекопскому уезду (от г. Перекопа до ближайших поселений — более 70 км), юго-восточная часть — к Симферопольскому уезду (более 40 км до Симферополя), а крайняя юго-западная оконечность — к Евпаторийскому уезду (около 50 км до Евпатории). В этих условиях волостная сеть выполняла функцию локальной компенсации периферийности территории, обеспечивая минимальную связанность сельского населения со структурами управления.

Волостное деление было нестабильным. За время его существования на территории современного района располагалось восемь волостных центров. Наиболее продолжительное время этот статус сохраняло селение Табулды (совр. Найденовка), являвшееся во-

лостным центром в 1802–1829 и 1892–1921 годах, а позднее — центром сельсовета.

Анализ динамики бывших волостных центров показывает, что административный статус населенного пункта не гарантировал его долговременной демографической устойчивости и сохранения центральных функций в системе сельского расселения. Эволюция волостных центров отражает масштабную трансформацию пространственной организации степного Крыма в XIX–XX веках, сопровождавшуюся сменой факторов развития поселений, перераспределением населения и изменением опорного каркаса расселения.

Т. Ю. Гусаков
Историческая
трансформация
и факторы устойчивости сельского
расселения Степного
Крыма

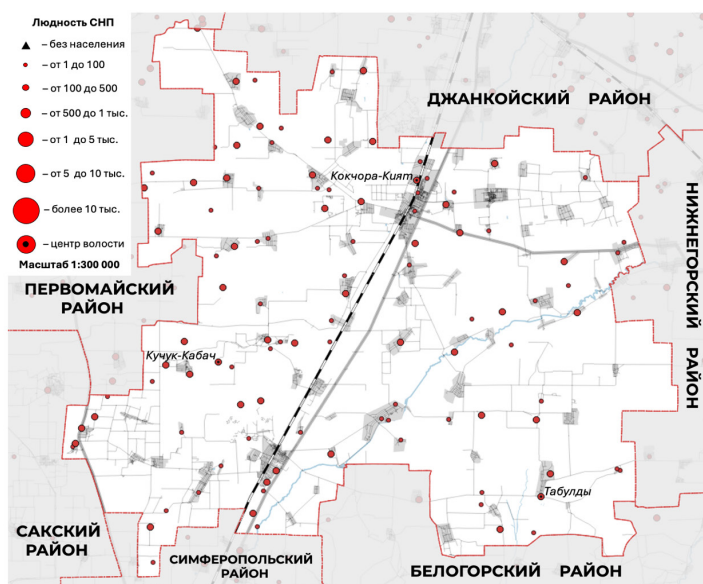

Рис. 2. Людность СНП в 1805 г.

Составлено автором по данным источника (Лашков, 1897).

В начале XIX века существовала сеть мелких волостных центров. По данным 1805 года, большинство из них имели крайне небольшую людность — преимущественно от 80 до 150 жителей (рис. 2). Это свидетельствует о слабой демографической концентрации и общей мелкоселенности поселенческой сети степного Крыма. Даже населенные пункты, выполнявшие административные функции, по размерам практически не отличались от окружающих рядовых сел. Подобная ситуация объясняется спецификой крымскотатарской системы расселения, ориентированной прежде всего на природно-адаптивное размещение поселений, а не на концентрацию населения в крупных локальных центрах.

В течение XIX века значительная часть ранних волостных центров испытала демографический кризис, связанный с эмиграцией крымских татар, изменением структуры землевладения и административной реорганизацией территории после включения Крыма в состав Российской империи. Особенно показательна динамика таких поселений, как Кокчора-Кыят (совр. Ближнее), Кучук-Кабач и Агъяр-Джирень (совр. Котельниково), численность населения которых к 1864 году сократилась в несколько раз. В отдельных случаях административные центры постепенно утрачивали население и впоследствии исчезали полностью. Так, бывшие волостные центры Айтуган татарский (Юхары-Айтуган) и Кучук-Кабач прекратили существование уже в советский период.

Существенное влияние на трансформацию сети расселения оказали массовые эмиграции крымских татар в Османскую империю, особенно после Крымской войны и в начале XX века. По оценкам исследователей, в результате миграционной волны 1860–1863 годов значительная часть степных районов Крыма обезлюдела, были заброшены 315 деревень (Вольфсон, 1940), а на земельный рынок поступили значительные площади сельскохозяйственных земель (Гусаков, 2019). Освободившиеся территории активно заселялись русскими и украинскими крестьянами, немецкими, чешскими и другими колонистами, что сопровождалось формированием новой полиэтнической сети сельского расселения степного Крыма. На территории образовывалось большое количество новых небольших поселений различного типа — экономий, владельческих хуторов, имений и усадеб. На территории современного Красногвардейского района на рубеже XIX–XX веков существовало 16 экономий, более 20 хуторов и 3 господских двора.

Во второй половине XIX — начале XX века начинается смена пространственных лидеров сельского расселения. Переломным фактором стала транспортная модернизация степного Крыма. Формирование железнодорожной линии Лозовая — Севастополь, развитие сети трактов и активизация переселенческой колонизации привели к смещению хозяйственной активности к поселениям, расположенным вдоль новых коммуникационных осей. В результате прежние локальные центры, ориентированные на природно-адаптивную систему расселения, постепенно уступали населенным пунктам с более выгодным транспортно-географическим положением. Одновременно происходило формирование новых этнических сетей расселения (немецких, чешских, эстонских, русских и украинских поселений).

Рост числа экономий в степном Крыму на рубеже XIX–XX веков был обусловлен развитием крупного товарного сельского хозяйства, концентрацией земельной собственности и усилением транспортной связанности полуострова после строительства железных дорог с другими регионами России. Экономии выступали хозяйственными центрами крупных имений и отражали переход от традицион-

ной сельской поселенческой сети к производственно-ориентированной модели освоения степного пространства. Можно предположить, что распространение экономий стало одним из первых проявлений перехода степного Крыма от традиционной поселенческой сети к функционально-производственной модели сельского расселения, окончательно оформившейся уже в советский период.

Особенно показательна динамика Александровки, которая отсутствовала среди крупнейших поселений начала XIX века, однако уже к 1926 году достигла людности 729 чел., а в дальнейшем превратилась в устойчивый локальный центр сельского расселения. Напротив, часть старых крымскотатарских поселений, несмотря на прежний административный статус, постепенно утрачивала свое значение.

Советский период привел к окончательной перестройке исторической сети локальных центров. Формирование колхозно-совхозной системы сопровождалось фактическим административным отбором населенных пунктов. Села, получившие статус центральных усадеб колхозов, совхозов или сельсоветов, концентрировали инфраструктуру, население и инвестиции, тогда как остальные постепенно утрачивали хозяйственные и социальные функции и переходили в категорию «неперспективных». В отличие от дореволюционной волостной сети, советская система сельсоветов оказалась значительно более устойчивой, поскольку опиралась не только на административные функции, но и на хозяйственную специализацию, транспортную связанность и концентрацию социальной инфраструктуры.

Поселения, сумевшие встроиться в систему советского хозяйственного освоения территории, продемонстрировали значительный рост населения. Так, Найденовка увеличила людность со 117 жителей в 1805 году до более 1300 человек к концу XX века, Котельниково — со 119 до 1387 человек, Александровка — до 1651 человека. В то же время населенные пункты, оказавшиеся вне новых хозяйственных потоков, постепенно теряли население и исчезали.

Революционные события конца 1910-х годов и установление советской власти ознаменовали административные изменения на полуострове — была образована Крымская АССР (после 1944 года — Крымская область) и введено новое административно-территориальное деление: уезды были заменены сначала округами, а позднее — районами, волости разукрупнены и заменены ревкоммами, а потом — сельскими советами. Красногвардейский район в современном виде был образован в 1962 году, до этого его территория была в составе Бикюк-Онларского и Тельмановского немецких, Симферопольского, Джанкойского районов. Последнее изменение границ произошло в 1970-е годы и было связано с передачей сел Дальнее и Стахановка в состав соседнего Первомайского района. Количество сельсоветов постоянно менялось и варьировалось от 20 до 30.

Формирование сети сельских советов после 1921 года стало важнейшим этапом перестройки системы сельского расселения степного Крыма. В отличие от дореволюционной волостной сети, сельсоветы создавались уже в условиях советской модели территориального управления и были тесно связаны не только с административными, но и с хозяйственными функциями. Их размещение отражало процессы коллективизации, формирования колхозно-совхозной системы, транспортного освоения территории и политики укрупнения сельских населенных пунктов. Анализ центров сельсоветов, существовавших на территории современного Красногвардейского района, позволяет проследить механизмы формирования современного опорного каркаса сельского расселения района (рис. 3).

Для первой половины XX века была характерна высокая подвижность сети сельсоветов. Значительная часть СНП сохраняла статус административных центров лишь в течение нескольких десятилетий, после чего утрачивала его вследствие изменения хозяйственной специализации, укрупнения хозяйств или деградации поселенческой сети. Так, сельсоветские функции в разные годы выполняли небольшие поселения Булатчи (совр. Прямое), Самав (Известковое), Чолбаши (Доходное), Ротендорф (Климово), Мешень (Нахимово), Кендже (Миролюбовка) и др., однако впоследствии они превратились в рядовые села или начали терять население. Это свидетельствует о высокой динамичности советской административно-хозяйственной организации сельской местности в период становления колхозно-совхозной системы.

Одновременно далеко не все центры сельсоветов оказались жизнестойкими в долгосрочной перспективе. Часть из них полностью исчезла в послевоенный период или была включена в состав других населенных пунктов. Наиболее показательными примерами являются поселения Старый Итак (Ложбинное), Киябах, Ишунь Немецкий, Джамбулду-Конрат Старый и Борангар. Большинство исчезнувших поселений относились либо к старым крымскотатарским селам, либо к небольшим колониетским поселениям, не сумевшим встроиться в систему укрупненного советского хозяйства. Их исчезновение отражает процессы послевоенной трансформации сельского расселения, сопровождавшиеся депортациями народов Крыма, изменением этнической структуры населения и политикой ликвидации «неперспективных» населенных пунктов.

В отличие от дореволюционных волостных центров, советские сельсоветы значительно сильнее зависели от хозяйственной специализации территории. Административный статус закреплялся преимущественно за поселениями, выполнявшими функции центральных усадеб колхозов и совхозов, обладавшими более развитой инфраструктурой и выгодным транспортно-географическим положением. В результате уже к 1970-м годам начала формироваться сеть относительно крупных сельских центров, концентрировавших население, производство и социальные функции.

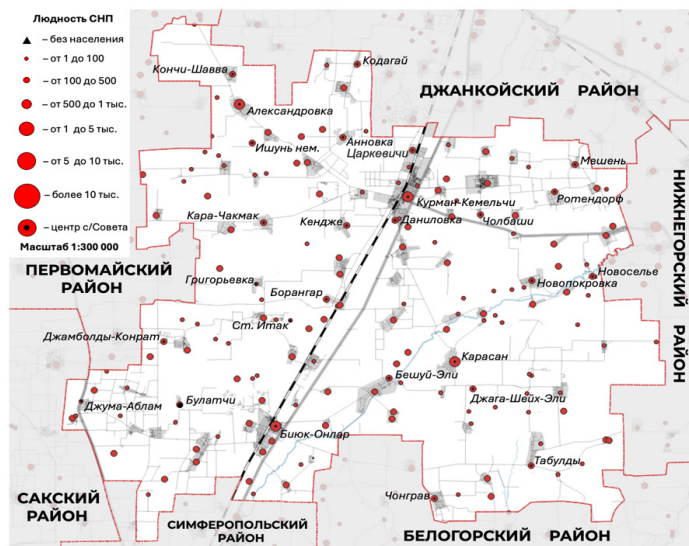

Рис. 3. Людность СНП в 1926 г.

Составлено автором по данным переписи населения (Список..., 1927).

Особенно заметный рост продемонстрировали Октябрьское, Красногвардейское, Петровка, Янтарное, Амурское, Пятихатка, Полтавка и Марьяновка. Так, людность Красногвардейского увеличилась с 72 жителей в 1915 году до более чем 11 тыс. человек в постсоветский период, а Октябрьского — с 232 до почти 11 тыс. жителей. Петровка, не входившая в число среди крупных поселений дореволюционного периода, к 1970 году достигла людности 3593 чел., а в дальнейшем превратилась в один из крупнейших сельских населенных пунктов района. Подобная динамика свидетельствует о целенаправленной концентрации населения и хозяйственной активности в ограниченном числе локальных центров.

Важной особенностью советской трансформации расселения стала резкая поляризация сельской сети. С одной стороны, происходил ускоренный рост крупных центров сельсоветов и централь-

ных усадеб хозяйств, с другой — стагнация или деградация периферийных сел. Многие бывшие центры сельсоветов, утратив административные функции, постепенно переходили в категорию малых населенных пунктов. Особенно показательна динамика Новодолинки, людность которой сократилась с 173 чел. в 1970 году до 25 чел. в 2021 году, а также Холмового, фактически утратившего постоянное население.

Сформировавшаяся в советский период сеть сельсоветов оказалась значительно более устойчивой, чем дореволюционная волостная система. Большинство современных локальных центров Красногвардейского района — Красногвардейское, Октябрьское, Петровка, Амурское, Колодезное, Пятихатка, Янтарное, Александровка — сохраняют административные функции и в настоящее время. Это связано с тем, что советская система расселения опиралась не только на административное управление, но и на хозяйственную специализацию, развитие транспортной инфраструктуры, концентрацию социальной сферы и переселенческую политику.

Как отмечал С. А. Ковалев, «в Степном Крыму, где старинные крупные села отсутствуют, в колхозах и совхозах поселки средней величины являются сейчас преобладающей формой» (Ковалев, 2003). Материалы по Красногвардейскому району подтверждают данный тезис: уже к 1970–1989 годам основная часть сельского населения концентрировалась в поселениях людностью от 500 до 3000 жителей, сформировавшихся преимущественно в советский период как центральные усадьбы колхозов и совхозов. Вместе с тем постсоветский этап характеризуется постепенным размыванием этой модели и усилением поляризации сельского пространства: часть средних поселков превращается в локальные центры роста, тогда как периферийные села быстро теряют население и инфраструктурные функции.

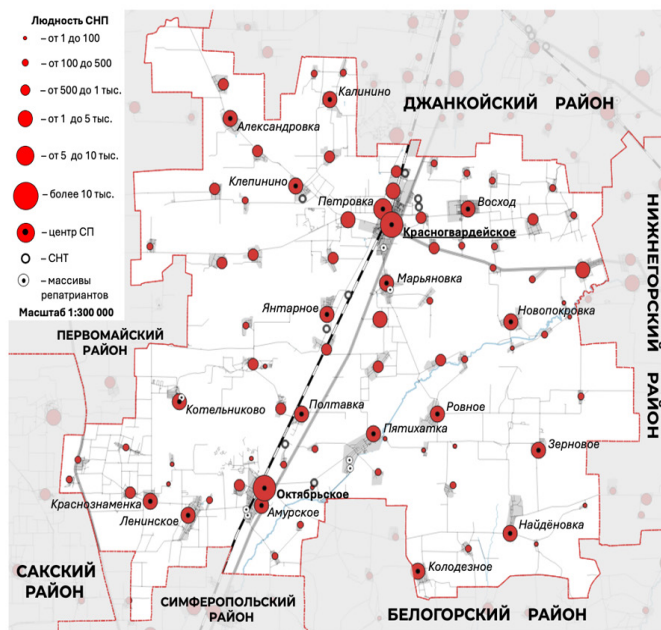

Рис. 4. Людность СНП в 2021 г.

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020².

Эволюция центров сельсоветов отражает переход от относительно равномерной мелкоселенной сети дореволюционного степного Крыма к поляризованной системе советского периода с доминированием крупных сельских центров. Именно в 1920–1980-е годы сформировался современный опорный каркас сельского расселения Красногвардейского района, сохраняющий свою инерцию и в постсоветский период (рис. 4). При этом многие малые населенные пункты, не включенные в систему крупных хозяйственных и административных центров, постепенно утратили свое значение, что создало предпосылки для современной поляризации и деградации части сельской поселенческой сети района.

Современная сеть сельских населенных пунктов Красногвардейского района демонстрирует крайне неоднородную динамику развития, сформированную сочетанием историко-этнических факторов, транспортно-географического положения, административного статуса и советской аграрной политики (рис. 5). Несмотря на от-

2. Всероссийская перепись населения 2020 года / Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/folder/44224> (дата обращения: 11.03.2026).

носительно компактную территорию района, различия между поселениями по численности населения, темпам демографической динамики и уровню инфраструктурной обеспеченности оказываются весьма значительными.

Прежде всего обращает на себя внимание высокая роль железнодорожной инфраструктуры в формировании системы расселения. Наиболее крупные населенные пункты района либо непосредственно расположены на железной дороге, либо находятся в непосредственной близости от станций линии Джанкой — Симферополь. Особенно ярко это проявляется на примере пгт Красногвардейское, Октябрьское, а также сел Петровка, Восход, Полтавка, Янтарное и Марьяновка. Все они имеют устойчивую или относительно стабильную численность населения и развитую социальную инфраструктуру. Так, пгт Красногвардейское и Октябрьское сохраняют население свыше 10 тыс. человек, выступая главными опорными центрами района. Важным фактором их устойчивости является сочетание административных функций, транспортной доступности и концентрации социальной инфраструктуры.

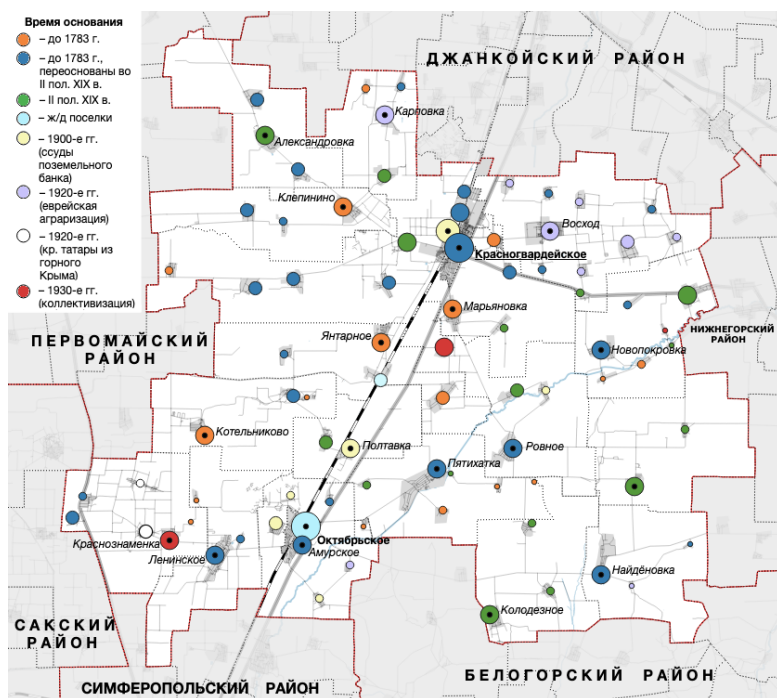

Рис. 5. Время основания современных СНП Красногвардейского района

В то же время удаленные от железной дороги малые СНП демонстрируют выраженную депопуляцию. Критическая ситуация

наблюдается в периферийных населенных пунктах западной и юго-западной части района — Радужное, Орловка, Салгирка, Холмовое, Золотое, Рогово. Многие из них фактически находятся на грани исчезновения. Так, в с. Холмовом к 2021 году постоянное население отсутствовало вовсе, а в с. Радужном проживал лишь 1 человек. Общей чертой этих поселений является отсутствие инфраструктуры, слабая транспортная связанность и периферийное положение относительно районного центра и железнодорожной сети.

Для района характерна выраженная поляризация сельского пространства. С одной стороны, существуют крупные центры сельсоветов с населением от 1 до 2,5 тыс. человек и развитым набором учреждений — школы, амбулатории, детские сады, дома культуры, администрации сельских поселений. К ним относятся Пятихатка, Амурское, Клепинино, Ровное, Найденовка, Калинино, Ленинское, Краснознаменка и др. С другой стороны, значительное количество малых СНП численностью менее 300 человек, выполняющих преимущественно селитебную функцию и постепенно теряющих население.

Особый интерес представляет влияние исторической колонизации на современную систему расселения. Значительная часть населенных пунктов района была основана или «переоснована» немецкими, чешскими, еврейскими, эстонскими и русскими переселенцами во второй половине XIX — начале XX века. Немецкие колонии оказались особенно многочисленными и в ряде случаев стали основой современной опорной сети расселения. Многие бывшие немецкие поселения (Амурское, Ленинское, Клепинино, Калинино, Колодезное, Пятихатка) сохраняют относительно крупную численность населения и административные функции. Это связано не только с исторически более рациональной планировкой и хозяйственным освоением территории, но и с тем, что в советский период именно такие поселения часто становились центральными усадьбами колхозов и совхозов.

Интересно, что населенные пункты, возникшие как еврейские сельскохозяйственные колонии 1920-х годов (Восход, Калинино, Знаменка, Заря, Чапаево, Климово и др.), демонстрируют неодинаковые траектории развития. Наиболее успешным оказался Восход, превратившийся в один из крупнейших сельских центров района с населением почти 5 тыс. человек и развитой инфраструктурой. Напротив, небольшие колонии вроде Зари или Чапаево постепенно сокращают население. Вероятно, ключевую роль здесь сыграли различия в транспортном положении и административном статусе.

Группа	Кол-во СНП	Средняя людность 1989, чел.	Средняя людность 2021, чел.	Средний коэфф. 2021/1989	Средний ln(2021/1989)	Доля растущих СНП
татарские СНП (до 1783 г.)	17	688,4	604,8	0,7	-0,4	17,7%
переоснован- ные СНП	30	1085,3	1057,3	0,9	-0,1	40,0%
колонии	15	640,3	575,2	0,8	-0,2	33,3%
ж/д поселки	2	5100,5	5729,0	0,9	-0,1	50,0%
порефор- менные поселения	5	1994,8	1870,2	0,8	-0,2	0,0%
татарские СНП 1920-х гг.	2	481,0	390,0	0,7	-0,3	50,0%
еврейские СНП	9	1222,4	912,1	0,6	-0,1	11,1%
хозяйствен- ные СНП (кол- лективиза- ция)	4	773,0	673,3	0,8	-0,2	50,0%

Составлено автором по данным статистики и собственным расчетам.

Важным фактором устойчивости выступает статус центра сельсовета. Практически все современные административные центры демонстрируют либо относительную стабильность, либо умеренный рост населения в постсоветский период. Например, Новопокровка, Марьяновка, Пушкино, Ровное, Калинин и Петровка имеют положительную или близкую к нулевой динамику относительно 1989 года. Напротив, бывшие центры сельсоветов, утратившие административные функции в советское время (Григорьевка, Тракторное, Прямое, Нахимово, Климово и др.), в большинстве случаев демонстрируют выраженную депопуляцию. Это свидетельствует о высокой зависимости сельского расселения от институционального статуса СНП.

Демографическая динамика после 1989 года демонстрирует, что большинство поселений района переживают сокращение населения, однако масштабы этого процесса различаются. Наиболее устойчивыми оказались крупные СНП и пригородные населенные пунк-

ты вдоль железной дороги с хорошей транспортной доступностью. В некоторых случаях фиксируется даже рост населения по сравнению с позднесоветским периодом: Новопокровка (+39,3% к 1989 г.), Пушкино (+62,7%), Ровное (+28,1%), Ближнее (+22,3%), Марьяновка (+19,8%), Красная Поляна (+15,6%). Эти села расположены либо вблизи районного центра, либо в зоне интенсивного транспортного сообщения.

Одновременно значительная часть малых поселений утратила более половины населения. Особенно резко сократились Орловка (-88% к 1989 г.), Радужное (-92,3%), Холмовое (-100%), Азов (-70,3%), Прямое (-64,8%), Рогово (-64,1%). Для таких населенных пунктов характерно сочетание периферийности, отсутствия рабочих мест и слабой инфраструктурной обеспеченности.

Этническая структура также оказывает заметное влияние на пространственные различия. На территории района можно выделить несколько зон с относительно высокой долей крымских татар — прежде всего Краснознаменский, Амурский и Ровновский сельсоветы. В этих поселениях нередко фиксируется более высокая демографическая устойчивость, что может быть связано с более высокой рождаемостью и сохранением семейно-родственных связей. Вместе с тем наиболее русифицированными остаются северные и центральные сельсоветы, связанные с позднесоветским аграрным освоением и железнодорожной инфраструктурой.

В целом современная система сельского расселения Красногвардейского района имеет ярко выраженный линейно-узловой характер. Основные центры концентрируются вдоль железной дороги и автотранспортных магистралей, тогда как периферийные участки постепенно теряют население. Наблюдается устойчивая тенденция к концентрации населения в крупных сельских центрах при одновременном угасании малых и удаленных сел. Это делает Красногвардейский район показательным примером трансформации сельского расселения степного Крыма в постсоветский период.

Наряду с общими тенденциями поляризации и концентрации населения в системе расселения Красногвардейского района сохраняются отдельные «аномальные» случаи, отражающие сложность постсоветской трансформации сельского пространства.

Одним из характерных феноменов позднесоветского периода стало формирование экспериментально-показательных сельских поселений. В 1970–1980-е годы в ряде крупных сел района реализовывались проекты комплексной модернизации сельской среды, ориентированные на сближение условий жизни города и села. Наиболее показательными примерами являются Восход и Петровка, застраивавшиеся по проектам с элементами городской планировки, многоэтажной жилой застройкой и развитой социальной инфраструктурой (Рогожин, 1973). Подобные поселения рассматривались как опорные центры укрупненной сельской системы расселения и должны были закреплять население в сельской местности.

Одновременно в районе фиксируются случаи расхождения между официальным статусом населенного пункта и фактическим характером освоения территории. Наиболее ярким примером является село Холмовое, где в настоящее время практически отсутствует жилая застройка и постоянное население, однако перепись 2021 года обнаружила в населенном пункте 21 жителя. Подобные случаи близки к феномену «населенных пунктов без населения», рассматриваемому в современной географии сельского расселения.

Противоположную ситуацию представляют бывшие населенные пункты Пятихлебное и Лермонтовка, расположенные на границе Красногвардейского района. Несмотря на исключение из официальных перечней населенных пунктов, в них сохраняется жилая застройка и продолжается постоянное проживание населения. В данном случае возникает феномен «населения без населенного пункта» (Савоскул, Алексеев, 2019).

Еще одной формой трансформации сельского расселения становится распространение садоводческих товариществ (СНТ), которые все чаще выполняют не только рекреационные, но и селитебные функции. В ряде случаев СНТ формируют устойчивые массивы сезонного или постоянного проживания, фактически включенные в систему сельского расселения, однако слабо отраженные в официальной статистике и административно-территориальной структуре.

Для степного Крыма подобные формы особенно характерны в пригородных и транспортно доступных районах, где садоводческие массивы частично компенсируют деградацию традиционной сельской поселенческой сети. В отдельных случаях СНТ возникают вблизи бывших производственных поселений или наследуют инфраструктуру советского хозяйственного освоения территории, формируя своеобразные гибридные формы сезонного и постоянного расселения.

Это свидетельствует о постепенном усложнении структуры сельского пространства, в котором наряду с официальной сетью сельских населенных пунктов все большую роль начинают играть полужормальные формы освоения территории. Подобные примеры показывают, что современная трансформация сельского расселения определяется не только демографической динамикой, но и институциональными особенностями учета населенных пунктов, инерцией административно-территориальной системы и различиями между статистическим и фактическим освоением пространства.

Дополнительным проявлением исторической инерции системы расселения является сохранение топонимов исчезнувших населенных пунктов в современной географической номенклатуре. На территории Красногвардейского района и прилегающих территорий распространены урочища, сохраняющие названия бывших поселений: урочище Полюшкина, Хмельницкое, Крыловка, Челюскинец и др. Подобные объекты представляют собой своеобразные «топонимические следы» исчезнувших населенных пунктов и фиксиру-

ют историческую преемственность освоения территории даже после полного исчезновения поселения.

Показательно, что в дореволюционный период аналогичную функцию выполняли пустоши — территории бывших поселений, сохранявшие историческое название после исчезновения населенного пункта. В ряде случаев такие топонимы впоследствии становились основой для наименования новых поселений. Подобная топонимическая устойчивость свидетельствует о высокой инерционности сельского культурного ландшафта степного Крыма. Даже после исчезновения населенного пункта его название продолжает функционировать в пространственной памяти территории, закрепляясь в местной топонимике, картографии и практике землепользования.

Т. Ю. Гусаков
Историческая
трансформация
и факторы устойчи-
вости сельского
расселения Степ-
ного Крыма

Заключение

Современная система сельского расселения Красногвардейского района Республики Крым сформировалась в результате длительной исторической трансформации, в ходе которой неоднократно менялись факторы устойчивости сельских населенных пунктов, пространственная организация хозяйства и структура межселенных связей. Эволюция расселения степного Крыма отражает переход от относительно равномерной мелкоселенной сети крымскотатарских поселений XVIII века к поляризованной системе сельских центров и периферийных малых СНП, характерной для постсоветского периода.

Исторический возраст поселения сам по себе не является определяющим фактором его современной демографической устойчивости. Значительная часть старых крымскотатарских поселений и дореволюционных волостных центров утратила население или полностью исчезла, тогда как многие сравнительно молодые поселения, возникшие в конце XIX–XX веков, напротив, превратились в устойчивые локальные центры. Долговременная устойчивость сельских населенных пунктов определяется не столько временем их возникновения, сколько их способностью включаться в изменяющиеся системы хозяйственных, транспортных и административных связей.

Важную роль в формировании современной опорной сети расселения сыграли транспортно-географическое положение и выполнение центральных функций. Наиболее устойчивыми оказались населенные пункты, расположенные вблизи железнодорожной магистрали, обладающие развитой социальной инфраструктурой и сохраняющие статус административных центров сельских поселений. Напротив, периферийные малые села, не включенные в систему локальных центральных мест, демонстрируют наиболее высокие темпы депопуляции и утраты инфраструктурных функций.

Особое значение для формирования современного каркаса сельского расселения имел советский период. Именно в 1920–1980-е годы происходил институциональный «отбор» СНП, сопровождавшийся концентрацией населения, инфраструктуры и хозяйственных функций в центральных усадьбах колхозов, совхозов и сельсоветов. Сложившаяся в этот период система локальных центров во многом сохраняет свою инерцию и в настоящее время. Современные крупнейшие населенные пункты района в большинстве случаев восходят именно к советской модели пространственной организации сельской местности.

Постсоветская трансформация усилила процессы пространственной поляризации сельского расселения. Наблюдается концентрация населения в крупнейших и транспортно доступных центрах при одновременной деградации периферийной сети малых сельских населенных пунктов. В результате современная система расселения района приобретает все более выраженный линейно-узловой характер, ориентированный на основные транспортные коммуникации и локальные центры обслуживания.

Исчезновение населенного пункта в административно-статистическом смысле не всегда означает полное исчезновение освоенности территории. Феномены «населенных пунктов без населения» и «населения без населенного пункта», а также сохранение топонимов исчезнувших поселений в форме урочищ и пустошей свидетельствуют о высокой инерционности культурного ландшафта и пространственной памяти территории. Даже после исчезновения постоянного населения следы прежнего расселения продолжают сохраняться в топонимике, структуре землепользования и локальной идентичности пространства.

Жизнестойкость сельского расселения степного Крыма определяется прежде всего положением населенного пункта в системе центральных мест, уровнем транспортной связности и степенью включенности в хозяйственно-инфраструктурный каркас территории. Историческая преемственность оказывает влияние на современную систему расселения, однако ее роль опосредуется последующими этапами административной, транспортной и хозяйственной трансформации региона.

Литература

- Абдуллаев И. (2012). Мусульманские культовые сооружения в колониальный (1783–1917 гг.) и советский (1921–1991 гг.) периоды истории Крыма // Голос Крыма. № 45–52.
- Абдуллаев И. (2013). Мусульманские культовые сооружения в колониальный (1783–1917 гг.) и советский (1921–1991 гг.) периоды истории Крыма // Голос Крыма. № 2–8, 11.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 66–76.

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 6. С. 55–61.
- Вихрев О. В., Ткаченко А. А., Фомкина А. А. (2016). Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 30–37.
- Водарский Я. Е., Елисеєва О. И., Кабузан В. М. (2003). Население Крыма в конце XVIII — конце XX века (численность, размещение, этнический состав). М.: Ин-т рос. истории.
- Вольфсон Б. М. (1940). Эмиграция крымских татар в 1860 г. // Исторические записки АН СССР. Институт истории. М.: Издательство Академии наук СССР. Вып. 9. С. 186–197.
- Возгрин В. Е. (2013). История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. Том I. 3-е изд., стереотип. Симферополь: Издательский дом «Тезис».
- Гусаков Т. Ю. (2021). Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. Т. 6. № 2. С. 99–120.
- Гусаков Т. Ю. (2019). Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014 гг.) // Географический вестник = Geographical Bulletin. № 4 (51). С. 69–81.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сельской сети услуг в регионах // Известия РАН. Серия геогр. № 3. С. 26–38.
- Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена.
- Крымские татары (2005): Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / Авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. Симферополь: ДОЛЯ. С. 11–12.
- Лашков Ф. Ф. (1897). Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии / А. И. Маркевич. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. Т. 26.
- Нефедова Т. Г. (2018). Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 7. С. 1–12.
- Очерки истории и культуры крымских татар (2005) / Под ред. Э. Чубарова. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство. С. 41.
- Покшишевский В. В. (2025). География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования / Сост., вступит. статья А. А. Агирречу, М. С. Савоскул. М.: Кучково поле. С. 380–384.
- Прохорова Е. А., Казарин Я. О., Фурштаков И. А. (2017). Картографирование системы расселения полуострова Крым под влиянием транспортного фактора // Материалы междунар. конф. «ИнтерКарто. ИнтерГИС». № 23 (2). С. 53–64.
- Рогожин Г. Н. (1973). Сельское расселение Украинской ССР. Киев: УкрНИИНТИ. С. 5.
- Савоскул М. С., Алексеев А. И. (2019). Сельско-городские сообщества в официально не существующем населенном пункте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 4. С. 119–123.
- Список населенных пунктов Крымской АССР (1927) по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь: КрымЦСУ.
- Смирнова А. А., Смирнов И. П., Ткаченко А. А. (2024). Расселение: основные понятия, подходы, результаты исследований. Тверь: Тверской гос. университет.
- Смирнова А. А., Ткаченко А. А., Лебедев К. С. (2026). Устойчивость и уязвимость сельского расселения в муниципальных образованиях типичного Нечерноземья // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. Т. 81. № 2. С. 81–93.
- Ткаченко А. А., Смирнов И. П., Смирнова А. А. (2019). Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 78–85.
- Тунманн [И. Э.] (1991). Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Таврия.

- Фомкина А. А. (2016). Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.
- Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2021). Время основания сельского населенного пункта как фактор его стабильности (на примере Лебедянского района Липецкой области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 1. С. 88–96.
- Шевчук А. Г., Швец А. Б. (2010). Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения населения в XX — начале XXI в. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6. Вып. 1. С. 64–74.
- Швец А. Б., Анашенкова В. Р. (2025). Сельские территории Равнинного Крыма: особенности геодемографических процессов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Т. 11 (77). № 2. С. 61–74.
- Швец А. Б., Киселева Н. В., Воронин И. Н., Вольхин Д. А., Яковлев А. Н. (2021). Сельские территории Крыма: границы и содержание образа // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 3. С. 128–153.
- Яковенко И. В. (2020). Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 58–70.

Historical transformation and factors of the rural settlement sustainability in the Steppe Crimea

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. The article considers the historical transformation of the rural settlement patterns in the Steppe Crimea on the example of the Krasnogvardeysky district and identifies factors of the contemporary sustainability of rural settlements. Based on the historical-geographical analysis, archival materials, cartographic sources, census data and statistical information, the author describes the main stages in the development of the district's settlement network from the late 18th century to the present, showing that the current settlement system was shaped by successive waves of colonization, agricultural development, administrative and territorial reforms, deportation of the peoples of Crimea in 1944, subsequent resettlement policies, and concentration of population in the central estates of collective and state farms. The settlement's historical age is not an independent factor of its present-day demographic sustainability. The most sustainable rural settlements are those characterized by a favorable transport-geographical location, well-developed social infrastructure, central administrative and service functions. The study revealed increasing spatial polarization of the rural settlement system, which is manifested in the population concentration in major local centers, accompanied by the depopulation of small peripheral settlements. The author argues that the contemporary model of rural settlement in the Steppe Crimea is determined to a greater extent by the system of central places and transport connections established during the Soviet period than by the time of settlement foundation. These findings contribute to a better understanding of factors of the rural settlement sustainability in regions that underwent profound historical and demographic transformations.

Key words: settlement geography, rural settlement, spatial development, settlement sustainability, settlement foundation period, historical transformation

References

- Abdullaev I. (2012) Musulmanskie kultovye sooruzheniya v kolonialny (1783–1917 gg.) i sovetsky (1921–1991 gg.) periody istorii Kryma [Muslim religious buildings during the colonial (1783–1917) and Soviet (1921–1991) periods in the history of Crimea]. *Golos Kryma*, no 45–52.
- Abdullaev I. (2013) Musulmanskie kultovye sooruzheniya v kolonialny (1783–1917 gg.) i sovetsky (1921–1991 gg.) periody istorii Kryma [Muslim religious buildings during the colonial (1783–1917) and Soviet (1921–1991) periods in the history of Crimea]. *Golos Kryma*, no 2–8, 11.
- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Changes in Russia's rural settlement in the late 20th — early 21st century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–76.
- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2017) Tipologiya selskikh naselennykh punktov Evropeiskoi chasti Rossii v sovremennoi demograficheskoi i sotsialno-ekonomicheskoi situatsii [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the contemporary demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 55–61.
- Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2021) Vremya osnovaniya selskogo naselennogo punkta kak faktor ego stabilnosti (na primere Lebedyanskogo raiona Lipetskoi oblasti) [Foundation time of rural settlement as a factor of its stability: A case study of the Lebedyansky district in the Lipetsk Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 1, pp. 88–96.
- Fomkina A. A. (2016) *Transformatsiya mestnykh sistem rasseleniya slabourbanizirovannykh territoriy Tsentralnoi Rossii (na primere Tverskoi oblasti)* [Transformation of Local Settlement Systems in Weakly Urbanized Areas of Central Russia (on the Example of the Tver Region)], Moscow.
- Gusakov T. Yu. (2019) Etnicheskie migratsii na Krymskom poluostrove (1783–2014 gg.) [Ethnic migrations on the Crimean Peninsula (1783–2014)]. *Geografichesky Vestnik*, no 4, pp. 69–81.
- Gusakov T. Yu. (2021) Migratsii naseleniya kak osnovnoi faktor transformatsii sistema rasseleniya Krymskogo poluostrova [Migration as the main factor in the transformation of the settlement system of the Crimean Peninsula]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 2, pp. 99–120.
- Kovalev S. A. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works], Smolensk: Oikumena.
- Krymskie tatary (2005): *Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kulture* [Crimean Tatars: A Reader on Ethnic History and Traditional Culture]. Eds. by M. A. Aradzhiuni, A. G. Gertsen, Simferopol: DOLYA, pp. 11–12.
- Lashkov F. F. (1897) Sbornik dokumentov po istorii Krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [Collection of documents on the history of the Crimean Tatar landownership]. *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*, vol. 26.
- Nefedova T. G. (2018) Faktory i tendentsii izmeneniya selskogo rasseleniya v Rossii [Factors and trends in the transformation of rural settlement in Russia]. *Sotsialno-Ekonomicheskaya Geografiya. Vestnik Assotsiatsii Rossiiskikh Geografov-Obshchestvedovedov*, no 7, pp. 1–12.
- Ocherki istorii i kultury krymskikh tatar (2005) [Essays on the History and Culture of the Crimean Tatars]. Ed. by E. Chubarov, Simferopol: Krymskoe Uchebno-Pedagogicheskoe Gosudarstvennoe Izd-vo.
- Pokshishevsky V. V. (2025) *Geografiya migratsii naseleniya v Rossii. Opyt istoriko-geograficheskogo issledovaniya* [Geography of Migration in Russia: An Essay on Historical Geography]. Comp. and introduction by A. A. Agirrechu, M. S. Savoskul, Moscow: Kuchkovo Pole, pp. 380–384.
- Prokhorova E. A., Kazarin Ya. O., Furshtakov I. A. (2017) Kartografirovaniye sistema rasseleniya poluostrova Krym pod vliyaniem transportnogo faktora [Mapping the settlement

- system of the Crimean Peninsula under the influence of the transport factor]. *Materialy Mezhdunarodnoi Konferentsii "InterKarto. InterGIS"*, vol. 23, no 2, pp. 53–64.
- Rogozhin G. N. (1973) *Selskoe rasselenie Ukrainsskoi SSR* [Rural Settlement in the Ukrainian SSR], Kiev: UkrNIINTI.
- Savoskul M. S., Alekseev A. I. (2019) Selsko-gorodskie soobshchestva v ofitsialno nesushchestvuyushchem naselennom punkte [Rural-urban communities in the officially non-existent settlement]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 119–123.
- Shevchuk A. G., Shvets A. B. (2010) Politiko-geografichesky faktor evolyutsii krymskoi sistemy rasseleniya naseleniya v XX — nachale XXI vv. [The political-geographical factor in the evolution of the Crimean settlement system in the 20th — early 21st centuries]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*, vol. 6, no 1, pp. 64–74.
- Shvets A. B., Anashenkova V. R. (2025) Selskie territorii Ravninnogo Kryma: osobennosti geodemograficheskikh protsessov [Rural areas of the Steppe Crimea: Features of geodemographic processes]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, vol. 11, no 2, pp. 61–74.
- Shvets A. B., Kiseleva N. V., Voronin I. N. et al. (2021) Selskie territorii Kryma: granitsy i sodержanie obraza [Rural territories of Crimea: Boundaries and content of the image]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*, vol. 7, no 3, pp. 128–153.
- Smirnova A. A., Smirnov I. P., Tkachenko A. A. (2024) *Rasselenie: osnovnye ponyatiya, podkhody, rezul'taty issledovaniy* [Settlement: Basic Concepts, Approaches and Research Results], Tver: Tver State University.
- Smirnova A. A., Tkachenko A. A., Lebedev K. S. (2026) Ustoichivost i uyazvimost selskogo rasseleniya v munitsipal'nykh obrazovaniyakh tipichnogo Nechernozem'ya [Sustainability and vulnerability of rural settlement in municipalities of the typical Non-Black-Earth region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, vol. 81, no 2, pp. 81–93.
- Spisok naselennykh punktov Krymskoi ASSR (1927) po vsesoyuznoi perepisi 17 dekabrya 1926 goda* [List of Settlements of the Crimean ASSR according to the All-Union Census of December 17, 1926], Simferopol: KrymTsSU.
- Tkachenko A. A., Smirnov I. P., Smirnova A. A. (2019) Transformatsiya seti tsentrov selskogo rasseleniya v nizovom raione Tsentralnoi Rossii [Transformation of the network of rural settlement centers in the lowland district of Central Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 78–85.
- Tunmann J. E. (1991) *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Transl. from German by N. L. Ernst, S. L. Belyavskaya, Simferopol: Tavriya.
- Vikhrev O. V., Tkachenko A. A., Fomkina A. A. (2016) Sistemy selskogo rasseleniya i ih tsentry (na primere Tverskoi oblasti) [Rural settlement systems and their centers (on the example of the Tver Region)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, 2, pp. 30–37.
- Vodarsky Ya. E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M. (2003) *Naselenie Kryma v kontse XVIII — kon-tse XX vekov (chislennost, razmeshchenie, etnicheskyy sostav)* [Population of Crimea in the Late 18th — Late 20th Centuries (Size, Distribution and Ethnic Composition)], Moscow: Institute of Russian History.
- Wolfson B. M. (1940) Emigratsiya krymskikh tatar v 1860 g. [Emigration of the Crimean Tatars in 1860]. *Istoricheskie zapiski*, no 9, pp. 186–197.
- Vozgrin V. E. (2013) *Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoi istorii koren'nogo naroda Kryma* [History of the Crimean Tatars: Essays on the Ethnic History of the Indigenous People of Crimea. Vol. 1], Simferopol: Tezis.
- Yakovenko I. V. (2020) Analiz i kartografirovaniye mnogoletnei dinamiki selskogo rasseleniya v Krymu [Analysis and mapping of the long-term dynamics of rural settlement in Crimea]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*, vol. 6, no 3, pp. 58–70.
- Zubarevich N. V. (2013) Transformatsiya selskogo rasseleniya i selskoi seti uslug v regionah [Transformation of rural settlement and rural service networks in regions]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.